

АЗБУКА
ФАНТАСТИКА

РОБИН ХОББ

Ученик убийцы

Сага о Видящих
Книга 1

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-445
Х 68

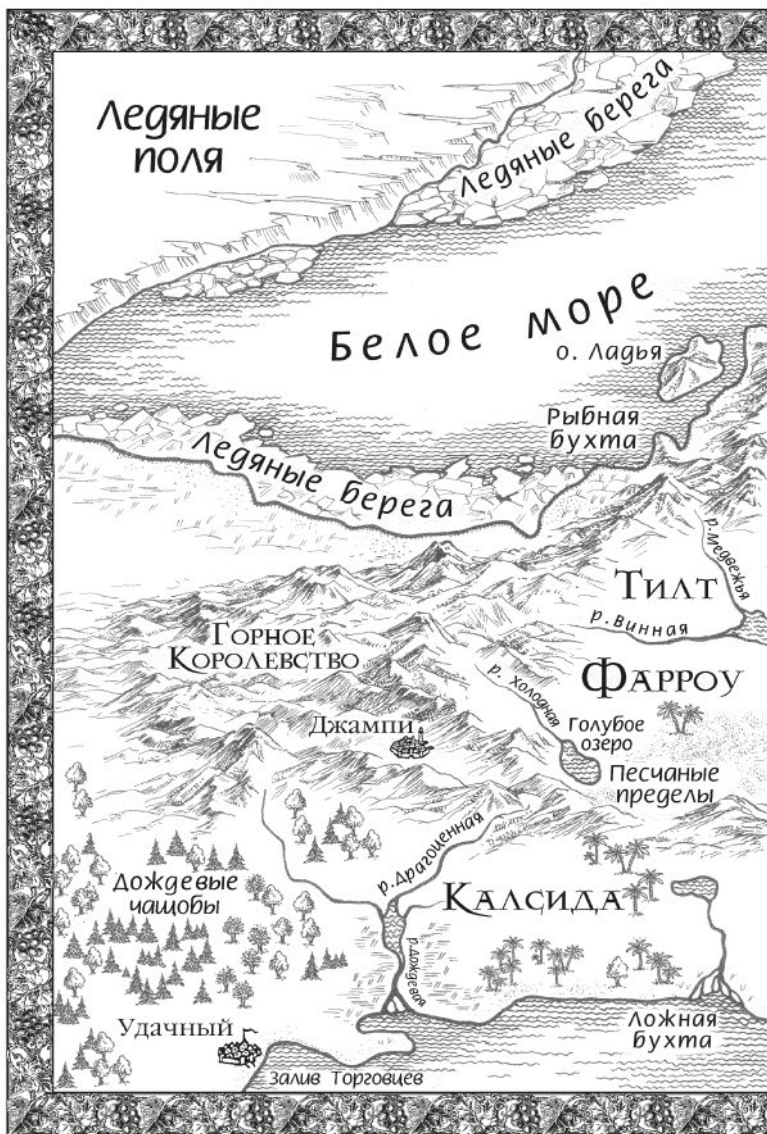
Robin Hobb
ASSASSIN'S APPRENTICE
Copyright © 1995 by Robin Hobb
All rights reserved

Перевод с английского Марии Юнгер
Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Виктории Манацковой

ISBN 978-5-389-23453-6 (кн. 1)
ISBN 978-5-389-22708-8 (комплект)

© М. А. Юнгер, перевод, 1997
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2023
Издательство Азбука®

*Его, в чьих жилах течет королевская кровь,
ждала дорога убийцы, преданно исполняющего
чужие приказы...*

ШЕСТЬ ГЕРЦОГСТВ

Глава 1

ПРЕДЫСТОРИЯ

История Шести Герцогств неразрывно связана с историей правящей династии Видящих. Повествование об этой семье следовало бы начать с времен стародавних, задолго до основания Первого герцогства. Если бы до нас дошли имена дальних предков наших королей, мы знали бы, как звали тех пиратов, что совершали разбойничьи набеги и грабили побережье, где земли были не столь бесплодными и неприветливыми, как обледенелые скалы их родины — Внешних островов. Но история не сохранила их имен.

Что же до первого настоящего короля, то и о нем известно не много — только как его звали и несколько странных легенд. Тэйкер Завоеватель — таково было его имя. Возможно, именно от него пошла традиция, согласно которой сыновья и дочери его рода получали вместе с именами судьбы и характеры. В народе верят, что эти имена присваиваются новорожденным посредством магического обряда и после этого королевские отпрыски не в силах изменить уготованную им стезю. От роду детям-избранникам предначертано не бояться ни огня, ни воды, ни студеного ветра. Так говорят. Красивая сказка.

Возможно, когда-то и впрямь при наречении отправляли магические обряды. Но достаточно взглянуть в исторические хроники, чтобы понять: имя, данное при рождении, далеко не всегда определяет всю дальнейшую судьбу человека.

Мое перо дрожит, потом выпадает из рук, оставляя извилистый след на бумаге Федврена. Испорчен еще один драгоценный лист. Впрочем, наверное, эта попыт-

ка все равно была обречена на провал, как все предыдущие. Не знаю, смогу ли я закончить свой труд или каждая страница будет пропитана жгучей горечью, ядом, который, как мне казалось, давно выветрился. Я полагал, что излечился от гнева и ненависти, но стоит мне взяться за перо, как боль и обида мальчика сочатся на бумагу вместе с чернилами, пока мне не начинает казаться, что каждая аккуратная черная буква берedit старую незаживающую рану.

И Федврен, и Пейшенс весьма воодушевились идеей написания истории Шести Герцогств. Было решено, что попробовать стоит, попытка не пытка, лишь бы у меня хватило сил. Работа отвлечет меня, поможет занять время, и я забуду о горечи и боли. Я позволил убедить себя, что так оно и будет. Но каждое историческое событие, которого я касаюсь в своей рукописи, только пробуждает к жизни мрачные тени моего одиночества и потерь. Боюсь, мне придется отложить эту работу, иначе она воскресит все то, что сделало меня тем, кто я есть теперь. Я начинаю снова и снова, но каждый раз обнаруживаю, что пишу скорее о собственных истоках, чем об истоках этой земли. Не знаю даже, кому я пытаюсь объяснить себя. Моя жизнь была паутиной тайн, тайн, которые даже сейчас небезопасно поверять бумаге. Стоит ли писать о них только для того, чтобы превратить в пламя и пепел? Кто знает...

Я помню себя с шести лет. До этого не было ничего — только пропасть, которую я не могу преодолеть, как бы сильно ни напрягал память. Ранее того дня в Мунсее нет ничего. Зато все, что происходило потом, я помню с удивительной отчетливостью. Иногда мои воспоминания настолько подробны, что я даже начинаю задумываться, мне ли они принадлежат. Были ли все эти события запечатлены в моей собственной памяти или же картины прошлого складываются у меня из

рассказов кухонной прислуги и несметного множества мальчишек-грумов, объяснявших друг другу мое появление? Возможно, я слышал эту историю так часто и из стольких источников, что теперь вызываю ее в памяти как собственные воспоминания? Может быть, эти подробности — результат открытого восприятия шестилетнего мальчугана? Или это шутит со мной яркое покрывало Силы и снадобий, которые приходится принимать, чтобы контролировать свою привычку к ней, — снадобий, которые сами по себе вызывают боль и привыкание? Все может быть. Остается надеяться, что дело все-таки не в снадобьях.

Воспоминание столь яркое, что я будто снова вижу и чувствую все это: холодные сумерки уходящего дня, безжалостный дождь, под которым я вымок до нитки, ледяной бульжник причудливых городских улиц и даже мозолистую грубость огромной руки, сжимающей мою ладонь. Иногда я думаю об этой руке. Она была твердая и шершавая и крепко стискивала мою ладонь, и все же она казалась мне теплой и незлой. Просто сильной. Она не давала мне упасть, когда я поскользнулся на обледеневших улицах, но не давала и избежать уготованной участи. Она была беспощадной, как холодный серый дождь, покрывавший ледяной глазурью исхоженную, засыпанную гравием дорожку перед огромной деревянной дверью массивного здания, которое возвышалось в центре города, как настоящая крепость.

Двери были высокие — даже для взрослого, не говоря о шестилетнем мальчике. Великан мог бы войти в них, не нагибаясь, а широкоплечий крепыш, который башней возвышался рядом со мной, казался на пороге этих дверей просто карликом. И мне, шестилетнему, они были удивительны, хотя я и не помню, как выглядели двери, которые были привычными для меня в раннем, забытом ныне детстве. Деревянные резные двери,

обитые железом, украшенные головой оленя и сверкающим дверным молотком, не были похожи ни на что, виденное мною прежде. Я вспоминаю, что одежда моя промокла, а ноги превратились в ледышки. И тем не менее я не помню ни того, как долго шел по размокшей слякоти уходящей зимы, ни того, что меня несли на руках. Нет. Все начинается здесь, на пороге каменного укрепленного дома: мы стоим на крыльце, и моя маленькая рука крепко стиснута в ладони высокого человека.

Почти как начало кукольного представления. Да, именно так это видится мне. Занавес поднялся, и мы оказались перед огромной дверью. Старик, что держал меня за руку, поднял медный молоток и обрушил его на железную пластину — один удар, второй, третий. Металл откликнулся гулким звоном. И потом раздался голос — не из дверей, а сзади, там, откуда мы пришли.

— Отец, прощу тебя... — молила женщина.

Я обернулся, чтобы посмотреть на говорящую, но снова пошел снег, кружевной завесой он цеплялся к ресницам и укутывал рукава. Не могу вспомнить, разглядел ли я кого-нибудь, но уверен, что не пытался вырваться от этого старика и не звал мать. Я просто стоял и смотрел, словно зритель на кукольном представлении, и слышал стук сапог в доме и скрип отодвигаемого засова.

Она предприняла еще одну, последнюю, попытку. Я до сих пор отчетливо слышу ее слова и отчаяние в голосе, который теперь показался бы мне молодым.

— Отец, пожалуйста, умоляю тебя!

Рука, державшая меня, задрожала — от ярости или от чего-то другого, я этого никогда не узнаю. С быстротой, с какой черный ворон хватается ломать упавшего хлеба, старик наклонился и поднял кусок грязного льда. Не говоря ни слова, он с яростью швырнул его в темноту, и я съежился от страха. Я не помню ни крика, ни звука

удара. В моей памяти осталось лишь то, как двери распахнулись наружу и старик поспешно отступил, волоча меня за собой.

И это все. Человек, открывший дверь, не был слугой, как я мог бы вообразить, если бы слышал эту историю из чужих уст. Нет, моя память сохранила не какого-то вышколенного слугу, а солдата, старого кавалериста, слегка поседевшего и с животом, затвердевшим скорее от жира, чем от большого количества натренированных мышц. Он оглядел нас с ног до головы с привычной солдатской подозрительностью и молча стоял, ожидая, что мы изложим наше дело.

Думаю, старик немного растерялся от такого приема, но вместо страха в нем вдруг вспыхнула злость. Он бросил мою руку, схватил меня за шиворот и протянул вперед, как щенка, которого предлагают новому владельцу.

— Я принес мальчишку вам, — прохрипел он.

Привратник продолжал молча смотреть на него, не выказывая ни осуждения, ни даже интереса, и старик продолжал:

— Шесть лет кормил его как родного и не получил от его отца ни слова благодарности, ни одной монетки. Он даже ни разу не навестил нас, хотя моя дочь обмолвилась — он знает, что сделал этого ублюдка. Я не желаю больше кормить мальчишку и гнуть спину за плугом, чтобы наскрести ему на одежонку. Пусть его кормит тот, кто его сделал. У меня хватает своих забот, моя жена стареет, да еще я должен содержать и кормить мамашу вот этого. Потому что ни один мужчина ее не захочет, ни один — когда за подол ее цепляется этот щенок. Так что забирайте его и отдайте отцу.

И он выпустил меня так внезапно, что я упал и растянулся на каменной ступеньке у ног стражника. Я сел, потому что, насколько помню, не очень сильно ушиб-

ся, и поднял глаза, чтобы посмотреть, что произойдет дальше между этими двумя людьми. Стражник поджал губы, глянул вниз — не осуждая, а просто соображая, как со мной быть.

— Так чей он? — спросил он, и чувствовалось, что этот вопрос задается не из любопытства, а для того чтобы выяснить, в чем дело, а потом доложить хозяину.

— Чивэла, — сказал старик. Он повернулся ко мне спиной и размеренным шагом двинулся прочь по покрытой гравием дорожке. — Принца Чивэла. — И, не оглядываясь, добавил: — Того, который как раз и есть будущий король. Который его сделал. Пусть заботится о нем да радуется, что умудрился хоть где-то зачать ребенка.

Стражник проводил старика взглядом, потом, не сказав ни слова, наклонился, схватил меня за воротник и оттащил в сторону, чтобы я не мешал ему закрыть дверь. Он отпустил меня на то недолгое время, которое ему потребовалось, чтобы задвинуть засов. Сделав это, он остановился, глядя на меня сверху вниз. Никакого удивления, только солдатская готовность принимать все, даже самые странные стороны своей работы.

— Поднимайся, парень, и пойдем со мной, — сказал он.

И я пошел за ним по темному коридору мимо скудных обставленных комнат, окна которых все еще были защищены ставнями от зимнего холода, к еще одним закрытым дверям из роскошного дерева, украшенным резьбой. Тут он остановился и быстро оправил одежду. Ясно помню, как он встал на одно колено, чтобы одернуть мою рубашку и пригладить мне волосы, но сделал он это по доброте душевной или просто хотел привести доверенную ему посылку в надлежащий вид — я никогда не узнаю. Он снова встал и один раз стукнул по двустворчатым дверям. Постучав, стражник не стал ждать

ответа, — по крайней мере, я ничего не слышал. Он толчком распахнул двери, провел меня внутрь и закрыл за собой тяжелые створки.

После стылого коридора комната показалась мне очень теплой. И в отличие от пустых комнат, которые мы миновали по пути сюда, она выглядела обжитой. Я вспоминаю висевшие на стенах ковры и портьеры, а еще — полки с табличками и свитками, наваленными в беспорядке, без которого не обходится ни одно уютное жилье. В огромном камине горел огонь, наполняя комнату теплом и приятным смолистым запахом. У очага, чуть наискось, стоял необъятный стол, а за ним сидел крепкий человек, склонившийся над грудой бумаг. Брови его были нахмурены. Он не сразу поднял глаза, и некоторое время я мог видеть только копну спутанных темных волос.

Когда он посмотрел на меня, то, казалось, одним быстрым взглядом черных глаз охватил и меня, и стражника.

— Ну, Джейсон? — спросил он. Несмотря на нежный возраст, я различил в его голосе стоическое терпение — его работу грубо прервали, и тут уж ничего не поделаешь. — В чем дело?

Стражник легонько подтолкнул меня вперед, и я примерно на фут придвинулся к сидящему человеку.

— Старый пахарь его оставил, принц Верити, сир. Сказал, стало быть, что это бастард принца Чивэла.

Несколько мгновений усталый человек за столом продолжал разглядывать меня с некоторым смущением. Потом нечто похожее на удивленно-веселую улыбку осветило его лицо, он встал, обошел вокруг стола и остановился рядом со мной, уперев кулаки в бедра и глядя на меня сверху вниз. Я не почувствовал угрозы в этом пристальном взгляде — скорее мне показалось, что нечто в моей наружности ему до крайности понравилось.

Я с любопытством смотрел на него. У принца была короткая черная борода, встопорщенная и лохматая, как и его шевелюра, обветренные щеки, грудь, похожая на бочку, и широкие плечи, натянувшие ткань рубашки. Его квадратные кулаки были покрыты пятнами и царапинами, но тем не менее пальцы правой руки были в чернилах. Он смотрел на меня, удивленно подняв густые брови, его улыбка делалась все шире, и наконец он весело фыркнул и заявил:

— Будь я проклят, паренек действительно похож на Чива, верно? Эда Плодородная, кто бы мог ждать такого от моего добродетельного братца!

Стражник ничего не ответил. Впрочем, никто и не ждал от него ответа. Он продолжал стоять в ожидании дальнейших распоряжений. Настоящий солдат, до мозга костей.

Чернобородый продолжал с интересом меня рассматривать.

— Сколько лет? — спросил он стражника.

— Тот пахарь сказал, стало быть, шесть. — Он собрался было почесать щеку, но потом, очевидно, вспомнил, что находится при исполнении служебных обязанностей, опустил руку и добавил: — Сир.

Принц, похоже, не заметил нарушения дисциплины. Его темные глаза продолжали меня осматривать, и веселое удивление становилось все заметнее.

— Значит, дело было примерно семь лет назад. Ведь какое-то время понадобилось, чтобы живот мамыши подрос. Черт возьми! Да. Это был первый год, когда чьюрда пытались закрыть проход. А Чивэл добивался, чтобы его открыли. Гонялся за ними три или четыре месяца. Похоже — не только за ними. Черт возьми! Кто бы мог подумать? — Он помолчал и внезапно спросил: — Кто мать?

Переминаясь с ноги на ногу, стражник буркнул:

— Так... это... кто ж ее знает, сир. Там только и был этот старый пахарь, и он сказал, что вон этот вот — бастард принца Чивэла и что он, пахарь то бишь, не хочет мальчишку кормить и одевать не хочет. Дескать, кто его сделал, тот пускай о нем и заботится.

Принц пожал плечами, как будто это не имело никакого значения.

— Мальчишка выглядит ухоженным. Через неделю — в крайнем случае через две — мать будет топтаться у кухонных дверей и скулить, что скучает без своего щенка. Тогда я узнаю — если не раньше. Ну, мальчик, как тебя зовут?

Его камзол был застегнут затейливой пряжкой в виде головы оленя. В свете колеблющегося пламени она казалась то медной, то золотой, то красной.

— Мальчик, — ответил я.

Не знаю, просто ли я повторил то, что говорили он и стражник, или у меня действительно не было другого имени. Принц вроде бы удивился, и что-то вроде жалости мелькнуло на его лице. Впрочем, так же быстро оба эти чувства исчезли, уступив место смущению или просто раздражению. Он оглянулся на карту, которая все еще ждала его на столе.

— Ладно, — сказал он. — Надо его как-то опорядить, по крайней мере до тех пор, пока не вернется Чив. Джейсон, проследи, чтобы мальчишку накормили и нашли место, где спать, — хотя бы на сегодняшнюю ночь. Я пока прикину, что с ним делать завтра. Нельзя, чтобы королевские заугольши бродили по всей стране.

— Сир, — сказал Джейсон ровным тоном, в котором не прозвучало согласия или несогласия: солдат просто принял распоряжение.

Он положил мне на плечо тяжелую руку и развернул меня назад к двери. Я пошел немного неохотно, потому что в комнате было тепло и светло. Замерзшие ноги на-

чало покалывать, и я понял, что если бы мне разрешили погреться еще немного, то я оттаял бы весь. Но рука стражника непреклонно сжимала мое плечо, и меня вывели из теплой комнаты в холодные сумерки мрачных коридоров.

После тепла и света они казались еще более темными и бесконечными, пока я семенял рядом со стражником, стараясь поспевать за его широким шагом. Может быть, я хныкал, а может, моя медлительность ему наскучила, но внезапно он остановился, схватил меня, поднял как пушинку и посадил себе на плечи.

— Щенок ты сопливый, — проворчал он беззлобно и понес меня дальше по коридорам и ступенькам, все дальше и дальше, навстречу желтому свету огромной кухни.

Там на скамейках сидели развалиясь полдюжины других стражников и ели и пили за большим шербатым столом, стоявшим у огня, — стол этот был почти вдвое больше того, что в кабинете. В кухне пахло едой, пивом, мужским потом, мокрой шерстяной одеждой и дымом от капающего в огонь жира. Вдоль стены рядами стояли свиные головы и маленькие бочонки, с балок свисали темные куски копченого мяса. По столу звякали миски. С куска мяса, крутившегося на вертеле, на камни очага стекал жир. Я уловил его восхитительный аромат, и желудок мой болезненно сжался. Джейсон грубо посадил меня к углу стола, ближайшему к огню, и подтолкнул локтем человека, лицо которого было скрыто за кружкой.

— Вот, Баррич, — сказал Джейсон как о чем-то само собой разумеющемся. — Вот этот вот щенок теперь будет твой. — И он отвернулся.

Я с интересом наблюдал, как он отломил от темной буханки хлеба горбушку величиной со свой кулак и вытащил из-за пояса нож, чтобы отрезать от круга сыра

подходящий кусок. Потом он пихнул все это мне в руки, шагнул к огню и начал отпиливать порцию мяса, способную утолить голод взрослого мужчины. Я не стал тратить времени даром и наполнил рот хлебом и сыром. Человек по имени Баррич рядом со мной опустил кружку и оглянулся на Джейсона.

— Что это? — спросил он почти так же, как принц из теплой комнаты.

У него была такая же буйная шевелюра и борода, но лицо его было узким и угловатым. Кожа обветрена, как у человека, много бывающего на воздухе. Глаза были скорее коричневыми, чем черными, длинные пальцы выглядели сильными и ловкими. Он пах лошадьми, собаками, кровью и кожами.

— Он для тебя, и присматривай за ним, принц Верити велел.

— Почему?

— Ну так ты же человек Чивэла, верно? Смотришь за его лошадьми, собаками и ястребами?

— Ну?

— Ну так ты возьмешь этого незаконнорожденного к себе, пока Чивэл не вернется и не придумает, чего с ним делать.

Джейсон протянул мне кусок истекающего соком мяса. Я переводил взгляд с хлеба на сыр, не желая расставаться ни с тем ни с другим, но страстно желая мяса. Он помялся, пожал плечами и с грубоватой практичностью воина небрежно бросил кусок на стол рядом со мной. Я запихнул в рот столько хлеба, сколько там поместилось, и передвинулся туда, откуда мог следить за мясом.

— Мальчишка Чивэла?

Джейсон пожал плечами, занятый поисками хлеба, мяса и сыра — теперь уже для себя.

— Так сказал старик, который его сюда приволок. — Он положил на ломоть хлеба сыра и мяса, откусил огром-

ный кусок и потом заговорил с полным ртом: — Сказал, Чивэл пускай радуется, что хоть одного щенка наплодил, и пускай теперь сам его кормит.

Необычайная тишина внезапно воцарилась в кухне. Люди перестали есть, побросали хлебные доски и кружки и повернули головы к человеку, которого называли Барричем. Он сам тоже аккуратно поставил кружку подальше от края стола. Голос его был тихим и ровным, слова обдуманно:

— Если у моего хозяина нет наследника — это воля Эды, а не его вина. Леди Пейшенс всегда была слабой и...

— Так-то оно так, — поспешно согласился Джейсон, — а раз есть этот мальчишка, значит твой хозяин мужчина как мужчина. Вот и все, что я говорил. — Он поспешно вытер рот рукавом. — Уж он так похож на принца Чивэла! И брат его сказал — вот прямо сейчас. Тут уж наследный принц ни при чем, раз его леди младенчика доносить не может...

Но Баррич внезапно встал. Джейсон поспешно отпрянул, потом понял, что ему ничто не угрожает. Баррич же схватил меня за плечи и повернул к огню. Крепко взяв меня за подбородок и подняв мою голову, он испугал меня так, что я выронил хлеб и сыр. Он не обратил на это никакого внимания и стал рассматривать меня, словно географическую карту. Его глаза встретились с моими, и в них появилось нечто вроде ярости, как будто один вид моего лица нанес ему страшное оскорбление. Я пытался отвести взгляд, но он не отпустил меня, так что я смотрел на него сколько мог, потом увидел, что его недовольство внезапно сменилось чем-то вроде неохотного удивления. Наконец он на секунду закрыл глаза, словно ему стало больно.

— Для леди это будет большим испытанием, — промолвил Баррич.

Хобб Р.

Х 68 Сага о Видящих. Кн. 1 : Ученик убийцы : роман / Робин Хобб ; пер. с англ. М. Юнгер. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. — 544 с. — (Азбука-фантастика).

ISBN 978-5-389-23453-6 (кн. 1)

ISBN 978-5-389-22708-8 (комплект)

Фитц — незаконнорожденный сын наследного принца. Воспитанный слугами, он вырос в темных коридорах королевского замка, не зная ни почета, ни славы. Его ждала дорога убийцы, верно и преданно исполняющего приказы своего короля, а также участь человека, способного своими, может, не очень значительными поступками сдвигать мировые колеса и приводить в движение силы, недоступные пониманию простых людей... Но на то он и Фитц Чивэл Видящий!

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-445

Литературно-художественное издание

РОБИН ХОББ
САГА О ВИДЯЩИХ
Книга 1
УЧЕНИК УБИЙЦЫ

Ответственный редактор Геннадий Корчагин
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректор Валерий Камендо

Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 05.06.2023. Формат издания 76 × 100 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 23,97. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

Отпечатано в Акционерном обществе
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaomprk.ru, тел.: (49638) 20-685

H-AKF-32405-01-R